

18+

Денис Незов

МИФЫ

которыми мы
живем

Денис Незов

Мифы, которыми мы живем

«Издательские решения»

Незов Д. С.

Мифы, которыми мы живем / Д. С. Незов — «Издательские решения»,

Мы привыкли считать, что мифы остались в древности. Однако они по-прежнему определяют, какой должна быть «правильная» жизнь, и незаметно превращают культурные ожидания в законы природы. Опираясь на данные психологии, нейробиологии, антропологии, истории и социальных наук, автор показывает, как возникают и закрепляются привычные представления о человеке и обществе, какую практическую роль они выполняют и почему становятся источником тревоги, стыда, зависимости и насилия.

© Незов Д. С.

© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Глава 1. Любовь	8
Глава 2. Красота	15
Глава 3. Семья	22
Глава 4. Государство, нация и родина	28
Глава 5. Деньги	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Мифы, которыми мы живем

Денис Станиславович Незов

© Денис Станиславович Незов, 2026

ISBN 978-5-0070-9162-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Мы уверены, что мифы остались в древности — в той эпохе, когда человек ещё не умел отделять воображение от реальности. Современный человек, вооружённый наукой, технологиями и образованием, якобы живёт уже без них. Но достаточно внимательно посмотреть на обычный день, чтобы эта уверенность пошатнулась.

Человек просыпается рядом с тем, кого называет любовью всей жизни. Смотрит в зеркало и оценивает, достаточно ли он красив. Спешит на работу, которая должна не только приносить деньги, но и давать удовлетворение, помогать ему раскрывать свои способности. Сравнивает себя с другими в социальных сетях, откладывает счастье до следующего достижения, возмущается несправедливостью, доверяет цифрам на банковском счёте и документам, подтверждающим его права. Он считает себя свободным, разумным, внутренне единым и пытается понять, имеет ли всё происходящее смысл.

Мифы удобны тем, что упрощают явления, координируют ожидания и подсказывают, как действовать. Но они же становятся источником тревоги, стыда, зависимости и насилия. Чем сильнее человек принимает культурный сценарий за закон природы, тем труднее ему понять, что этот сценарий можно изменить, если он перестал соответствовать его жизни.

Было бы ошибкой считать мифы случайными заблуждениями, которые можно развенчать одним убедительным аргументом. Они возникают там, где биологическая предрасположенность, практическая социальная задача и культурное объяснение соединяются в одно целое. Именно поэтому мифы так убедительны.

В этом смысле мифы проходят своеобразную эволюцию. Формы, которые помогают координировать поведение, передавать нормы и поддерживать общественный порядок, получают преимущество. Их повторяют в семье и школе, закрепляют в законах, изображают в искусстве, превращают в ритуалы. Они переживают отдельных людей и начинают казаться свойствами самого мира. Но устойчивость не означает неизменности.

Миф слабеет или перестраивается, когда меняются экономика, технологии, демография, структура труда и способы коммуникации. Большая крестьянская семья оправдана там, где дети рано включаются в общее хозяйство, а выживание зависит от рода. В дорогом городе, где люди долго получают образование, а жильё остаётся тесным, тот же сценарий начинает работать иначе. Именно поэтому культурные изменения способны быстро перестроить то, что ещё недавно казалось естественным.

При резкой смене условий между старым сценарием и новой жизнью возникает диссонанс. Общество продолжает требовать от человека поведения, соответствующего условиям, которых больше нет. Если человек не справляется с этим диссонансом, миф становится психологически опасным.

Получив степень магистра психологии и начав практиковать когнитивно-поведенческую терапию, я обратил внимание на повторяющуюся закономерность. Многие психологические проблемы вызваны не только отдельными ошибками мышления, но и чрезмерно жёстким отношением к культурным представлениям о правильной жизни.

Человек может страдать не из-за самого расставания, а потому, что считает утраченные отношения единственной настоящей любовью; воспринимать несоответствие стандарту красоты как доказательство собственной неполноценности; считать отсутствие успеха личным провалом.

В когнитивно-поведенческой терапии важное место занимает исследование убеждений, связывающих событие с эмоциональной реакцией. Между потерей работы и отчаянием часто находится мысль: «Если меня уволили, значит, я никчёмный». Между усталостью и стыдом

— мысль: «Ценный человек всегда продуктивен». Такие выводы редко принадлежат только одному человеку. Личная мысль оказывается индивидуальной формой коллективного мифа.

Эта книга родилась как дополнение к терапии — не как замена профессиональной помощи, а как инструмент для пересмотра взглядов на явления, которые кажутся нам естественными и неизменными законами природы.

Каждая глава рассматривает один из мифов, встроенных в современную повседневность. Мы будем двигаться от интимного к общественному, а затем снова вернёмся к внутреннему миру человека.

Книга не обещает освободить читателя от всех мифов. Вероятно, полностью жить без них невозможно. Но можно научиться различать миф и реальность, которую он организует. Видеть, где культурная форма помогает жить, а где начинает требовать жертв ради собственного сохранения. Понимать, что наши убеждения имеют историю, а значит, могут быть пересмотрены.

В добрый путь!

Глава 1. Любовь

Телефон лежит на столе экраном вверх. При каждом уведомлении вы невольно смотрите на него: написал ли тот самый человек? Ещё недавно он был одним из многих, а теперь от его сообщений зависит настроение. Короткий ответ радует, долгая пауза тревожит, а случайная фраза снова и снова прокручивается в голове.

В такие моменты любовь кажется единой и почти таинственной силой. Мы говорим: «Я люблю», будто это одно чувство с понятными признаками. Но на самом деле под словом «любовь» скрывается несколько разных процессов. Они могут совпадать, но могут существовать отдельно и меняться с разной скоростью. В любви можно выделить по меньшей мере четыре составляющие.

Влюблённость — состояние, при котором один человек становится особенно важным. Он захватывает внимание, о нём хочется постоянно думать, с ним хочется встречаться, а любой признак взаимности приобретает огромное значение.

Сексуальное влечение — телесное и психологическое желание эротической близости. Оно может сопровождать влюблённость, но может возникать и без неё.

Привязанность — более спокойная и устойчивая связь. Другой человек становится источником поддержки и безопасности, входит в повседневную жизнь и планы на будущее.

Культурный сценарий — история, с помощью которой человек и общество объясняют первые три процесса. Именно культура превращает сильное чувство в «судьбу», сексуальное желание — в доказательство совместимости, а расставание — в потерю «единственной настоящей любви».

Обычно эти составляющие направлены на одного человека и потому переживаются как единое чувство. Но их различие объясняет многое. Сильное желание ещё не означает доверия. Спокойная привязанность не обязана сопровождаться постоянной эмоциональной бурей. А боль после расставания сама по себе не доказывает, что отношения были полезными или единственно возможными.

Почему один человек захватывает внимание

Ранняя влюблённость заметно меняет внимание и мотивацию. Человек чаще думает о партнёре, ищет признаки взаимности и особенно остро реагирует на неопределённость. Сообщение вызывает радость, молчание — тревогу, а предстоящая встреча может на несколько дней стать главным событием.

Исследования мозга показывают, что восприятие изображений любимого человека связано с активностью систем, участвующих в мотивации, ожидании награды и целенаправленном поведении [1]. Это подтверждает, что влюблённый человек воспринимает другого как нечто важное.

Дофамин часто называют «гормоном удовольствия», хотя это не совсем точно. Во-первых, дофамин — это нейромедиатор, то есть вещество, с помощью которого нервные клетки передают сигналы. Во-вторых, его работа связана не только с удовольствием. Дофамин участвует в ожидании награды, обучении и мотивации: он помогает мозгу отмечать то, что кажется важным и заслуживает дальнейшего внимания.

Поэтому влюблённость ощущается не только как счастье. Она может сопровождаться беспокойством, напряжённым ожиданием и почти навязчивым вниманием. Телефон издаёт звук — и вы реагируете ещё до того, как успели подумать. Важен не сам сигнал, а надежда на то, что он связан с нужным человеком.

Из этого, однако, не следует, что существует отдельная «дофаминовая система любви». Романтическое чувство возникает при совместной работе внимания, памяти, телесного возбуждения, ожиданий и социальных оценок. Свести любовь к одному веществу — всё равно что объяснить разговор исключительно работой голосовых связок.

Что могут рассказать полёвки

Окситоцин и вазопрессин часто упоминают как вещества, связанные с доверием и привязанностью. Наиболее наглядные эксперименты в этой области проводились не с людьми, а с полёвками.

Луговые полёвки после спаривания образуют устойчивые пары: предпочитают знакомого партнёра другим, проводят рядом с ним больше времени и вместе заботятся о потомстве. Их горные сородичи живут иначе.

Учёные обнаружили, что эти различия связаны, среди прочего, с распределением рецепторов к окситоцину и вазопрессину в мозге. Когда исследователи фармакологически или генетически изменяли работу соответствующих систем у полёвок, менялось и их поведение: возникали парные предпочтения, усиливалась охрана партнёра [2].

Это результат показывает, что социальная связь имеет биологические механизмы. Но на его основании нельзя утверждать, что вазопрессин является «веществом верности», а окситоцин — «гормоном любви».

Партнёрское предпочтение у полёвок не равно человеческой любви. Полёвки не обсуждают совместное будущее, не заключают брачных договоров, не спорят о разделении домашних обязанностей и не читают переписку партнёра.

Запах и выбор партнёра

На привлекательность влияют не только признаки, которые мы осознаём. Мозг одновременно обрабатывает внешность, голос, запах, выражение лица, движения, сходство с уже знакомыми людьми и обстановку встречи.

Один из самых известных примеров — эксперимент с запахом футболок. Мужчины некоторое время носили одинаковые хлопковые футболки, стараясь не пользоваться парфюмерией и не есть пищу с сильным запахом. Затем женщины, не видя мужчин, оценивали запах одежды.

В первоначальном исследовании участницам в среднем больше нравился запах мужчин, чьи варианты генов главного комплекса гистосовместимости — МНС — сильнее отличались от их собственных [3]. Эти гены участвуют в работе иммунной системы. Возникло предположение, что запах может помогать выбирать генетически отличающегося партнёра и тем самым повышать иммунное разнообразие будущего потомства.

Звучит убедительно, но превращать этот эффект в биологический детектор совместимости нельзя. Последующие исследования дали неодинаковые результаты. Обнаруживаемые эффекты зависели от выборки, метода и того, что именно учёные считали признаком предпочтения. Обзоры и метаанализы не подтверждают простого правила, согласно которому люди всегда выбирают партнёров с максимально отличающимися генами МНС [3]. Но одно исследование показали точно — запах может влиять на привлекательность, оставаясь лишь одним из множества сигналов.

Желание имеет биографию

Сексуальное желание не появляется в полностью готовом виде. Оно развивается и меняется в течение жизни. Если определённый голос, запах, прикосновение или обстановка регу-

лярно сопровождают возбуждение и близость, они могут приобрести самостоятельное эротическое значение. Со временем реакция возникает быстрее, иногда ещё до того, как человек успевает понять, что именно привлекло его внимание.

Это один из общих принципов обучения: мозг связывает события, которые многократно происходят вместе. Если встречи с человеком снова и снова сопровождаются удовольствием, ожиданием и телесным возбуждением, его лицо, голос и запах постепенно сами становятся сигналами значимости. Положительные впечатления, связанные со свиданиями, также могут закреплять ассоциацию между определённым человеком, обстановкой и приятными переживаниями.

Обучение не означает, что любые предпочтения можно легко создать или отменить. На желание влияют врождённые особенности, возраст, гормональное состояние, отношения, культура и предшествующий опыт. Но эксперименты показывают, что ранее нейтральные стимулы действительно могут приобретать эротическое значение.

Один из известных примеров — исследование Сергея Рахмана, в котором нейтральный предмет неоднократно показывали вместе с эротическими изображениями. После этого у части участников возникало возбуждение от самого предмета [4]. Это старый эксперимент с небольшой выборкой, он не объясняет происхождение всех сексуальных предпочтений и тем более клинического фетишизма. Он показывает только общий механизм: то, что регулярно присутствует рядом с возбуждением, может стать его сигналом.

В обычной жизни такие связи формируются сложнее. У человека могут появляться предпочтения, связанные с определёнными интонациями, жестами, запахами, формами инициативы, способами проявления внимания или даже характерной дистанцией в общении.

У каждого желания есть история. Иногда она начинается в раннем опыте, иногда — в значимых отношениях, иногда — со случайного совпадения, которое затем многократно повторилось.

Отсюда следует важный и не всегда приятный вывод: сексуальное влечение не является безошибочным голосом «истинной любви».

Человек может быть глубоко привязан к одному партнёру и испытывать сексуальный интерес к другому. Он может хотеть близости, не желая строить совместную жизнь. Может любить и уважать партнёра, но переживать временное или длительное снижение сексуального желания.

Само возникновение влечения не определяет, как человек должен поступить. Оно не отменяет ответственности, верности договорённостям и необходимости учитывать последствия. Но оно также не доказывает, что существующие отношения были ненастоящими, а новый объект желания является «судьбой».

Романтический миф требует, чтобы желание, привязанность, дружба и жизненный выбор всегда были направлены на одного человека и проявлялись с одинаковой силой. Но психика устроена сложнее.

Как возникает привязанность

Привязанность отличается от первоначальной влюблённости. Она складывается постепенно — из повторяющихся ситуаций, в которых другой человек оказывается рядом.

Партнёры узнают, как успокаивать друг друга, делят обязанности, создают общие привычки и включают отношения в планы на будущее. Один знает, как другой пьёт кофе, чего боится, как ведёт себя во время болезни и что помогает ему после тяжёлого дня. Голос, прикосновение и присутствие партнёра начинают означать не только возможное удовольствие, но и безопасность.

Исследования привязанности показывают, что романтический партнёр может выполнять несколько важных функций: быть человеком, к которому хочется приблизиться, когда страшно или плохо; давать ощущение надёжной опоры; помогать спокойнее исследовать внешний мир [5].

При этом так называемый стиль привязанности не следует понимать как пожизненный диагноз. Ранний опыт действительно влияет на ожидания от близости, но последующие отношения также способны их менять. Человек может быть более доверчивым с одним партнёром и более тревожным — с другим. Значение имеют не только детские отношения с родителями, но и позднейшие потери, поддержка, предательство, конфликты и поведение нынешнего партнёра.

Разрыв затрагивает гораздо больше, чем романтическое чувство. Исчезает человек, встроенный в распорядок дня, систему поддержки и представление о будущем. Обычные сигналы продолжают напоминать о нём: время звонка, знакомый маршрут, музыка, место встречи, запах или фраза.

Поэтому расставание может ощущаться всем телом. Однако называть его «ломкой» не совсем точно. Такая метафора делает потерю отношений похожей на наркотическую зависимость и стирает важные различия. После разрыва человеку приходится перестраивать привычки, ожидания, социальные связи и модель будущего. Это тяжёлый процесс переобучения. Таким образом, время помогает не само по себе. Постепенно меняются обстоятельства, появляются новые привычки, ослабевают прежние ассоциации, восстанавливаются отношения с друзьями и формируются другие источники поддержки.

Куда исчезает первоначальная буря

В начале отношений особенно много неопределённости. Ответит ли человек? Состоится ли встреча? Взаимно ли чувство? Не появится ли кто-то другой? Именно неопределённость часто усиливает внимание и эмоциональную реакцию.

Со временем партнёр становится более предсказуемым. В отношениях появляются привычки, договорённости и совместный быт. То, что раньше вызывало сильное возбуждение, постепенно становится частью обычной жизни.

Многие воспринимают это как исчезновение любви. Но снижение романтической интенсивности не обязательно означает конец отношений. Иногда оно говорит о том, что связь стала устойчивее и безопаснее.

Влюблённость и привязанность работают по-разному. Влюблённость заставляет постоянно искать сигналы и стремиться к сближению. Привязанность позволяет не проверять каждую минуту, существует ли связь. Она менее заметна именно потому, что становится частью повседневности.

Это похоже на отопление в доме. Пока оно работает, человек не обязан постоянно думать о нём. Но стоит теплу исчезнуть — и его значение становится очевидным.

Однако обратное тоже верно: одна лишь длительность отношений не доказывает наличия любви. Союз может сохраняться из-за привычки, материальной зависимости, страха одиночества, давления родственников или сложности развода. Спокойствие бывает признаком безопасности, но может быть и признаком эмоционального безразличия.

Поэтому нельзя сказать, что влюблённость обязательно превращается в привязанность. Это один из возможных путей, а не универсальный биологический закон.

Как любовь стала смыслом жизни

Люди влюблялись задолго до появления современного романтического идеала. Но любовь не всегда занимала центральное место в браке и биографии.

Представьте, что мы находимся в глубокой древности: вокруг мрак, холод, опасность. Не самая подходящая обстановка для романтических переживаний — в отличие от уютного кафе. Антропологи предполагают, что в обществах охотников-собирателей личные привязанности могли занимать менее значимое место, чем в современных культурах, где любовь стала главным сюжетом биографии. Такой вывод они сделали на примере современных племен, сохранивших древний уклад.

Возьмём племя хадза в Танзании. Здесь чувства проявляются в свободе и взаимной симпатии, не скованных тяжелыми обязательствами. Мужчины и женщины вступают в отношения, когда им хочется, и расходятся, если страсть угасает, — без осуждения со стороны общины. Хадза не идеализируют любовь как судьбоносную — она скорее практична, как удачная охота: радуется, пока длится, и не оставляет горечи, когда заканчивается.

На протяжении значительной части истории брак был связан прежде всего с хозяйством, наследством, безопасностью, происхождением детей и союзами между семьями. Личная симпатия могла иметь значение, но не обязательно считалась главным основанием брака [6]. Сегодня это хорошо видно в традиционных общинах: староверы, амиши и т.д., где любовь не идеализируют, а решение о союзе молодых принимают родители.

Это не значит, что люди в таких обществах не любили. Но наличие сильного чувства не означает, что именно оно должно определять выбор супруга и устройство всей жизни.

В европейской культуре XVIII—XIX веков постепенно укрепился идеал брака, основанного на личном выборе и эмоциональной близости. Литература, театр, а позднее кино и массовая культура превратили романтическую любовь в один из главных сюжетов удавшейся биографии.

Эта перемена дала человеку больше свободы. Любовь стала аргументом против брака, заключённого только ради денег, статуса или по решению семьи. Но вместе со свободой выросли и требования к отношениям.

Сегодня от одного партнёра часто ждут почти всего. Он должен быть: объектом сексуального желания; лучшим другом; источником эмоциональной поддержки; надёжным участником общего быта; хорошим родителем; интересным собеседником и т. д.

Раньше многие из этих функций распределялись между родственниками, друзьями, соседями, профессиональным сообществом и религиозной общиной. Современная пара должна вместить их в отношения двух людей.

Отсюда возникает огромное напряжение. Если один компонент ослабевает, человеку кажется, что рухнет всё. Если желание снизилось — значит, любовь закончилась. Если появился интерес к другому — значит, прежние отношения были ошибкой. Если стало спокойно — значит, исчезла страсть. Если союз завершился — значит, годы были потрачены зря. Но эти выводы не следуют из природы любви. Их диктует культурный сценарий, который требует от нескольких разных процессов идеального и постоянного совпадения.

Почему бурные отношения кажутся глубокими

Культура часто предлагает судить о любви по её интенсивности. Чем сильнее ревность, тревога, страдание и страх потери, тем глубже якобы чувство. Но сильная эмоциональная реакция может быть связана не с качеством отношений, а с их непредсказуемостью.

Если партнёр то приближается, то исчезает, то проявляет нежность, то становится холодным, внимание к нему может усиливаться. Человек постоянно пытается понять, что происходит, и особенно остро реагирует на редкие моменты близости.

Такая связь может переживаться как необычайно сильная. Иногда интенсивность сопровождается тревогой, нестабильностью и отсутствием ясных договорённостей.

Спокойствие тоже не гарантирует здоровых отношений. Однако оно не является доказательством эмоциональной пустоты. Человек может реже испытывать бурные перепады именно потому, что больше не сомневается в доступности партнёра.

Оценивать любовь только по силе переживания — всё равно что судить о здоровье сердца по тому, насколько часто мы замечаем его удары.

Любовь в эпоху свайпов

В обычной социальной среде человек воспринимает потенциального партнёра в контексте. Он видит, как тот разговаривает с друзьями, ведёт себя в группе, реагирует на трудности и относится к окружающим. В приложении первое решение приходится принимать на основании нескольких фотографий, короткого описания, возраста, профессии и набора интересов.

Это расширяет возможности. Человек получает доступ к людям, которых никогда не встретил бы в своём обычном круге. Особенно это важно для жителей небольших городов, людей с редкими интересами или тех, чья социальная среда сильно ограничена.

Но интерфейс одновременно упрощает человека до профиля. Решение принимается быстро, а следующий вариант всегда находится на расстоянии одного движения пальца.

Исследования показывают, что онлайн-знакомства действительно расширяют круг возможных контактов. Но нет достаточных оснований считать, что алгоритмы способны заранее определить уникальную совместимость двух людей лучше, чем их последующее общение и совместный опыт [7].

Совместимость проявляется не только в сходстве анкет. Она становится видна в конкретных ситуациях: в том, как люди переживают разочарование, договариваются о границах, относятся к деньгам, распределяют бытовые обязанности и поддерживают друг друга.

Постоянная доступность альтернатив может создавать ощущение заменимости: если этот человек не идеален, всегда можно вернуться к ленте и посмотреть следующего. Но нельзя утверждать, что приложения неизбежно разрушают способность к привязанности. Многое зависит от целей пользователя, устройства платформы и того, переходит ли общение от бесконечного сравнения профилей к реальным повторяющимся встречам.

Современный человек оказывается между двумя сценариями. Старый говорит: где-то существует единственный предназначенный ему человек, которого нужно узнать среди миллионов. Новый предлагает воспринимать отношения как задачу оптимизации: нужно продолжать поиск, пока не найдётся максимально подходящий вариант. Один сценарий заставляет искать судьбу. Другой — бесконечно сравнивать. Оба могут мешать близости, если реального партнёра постоянно оценивают не по качеству отношений, а по соответствию идеальному образцу.

Что даёт понимание механизмов любви

Разделение влюблённости, сексуального влечения, привязанности и культурного сценария не делает любовь менее настоящей. Оно лишь помогает точнее понять, что именно происходит.

Сильная влюблённость говорит о том, что человек приобрёл исключительную мотивационную значимость. Но она ничего не гарантирует в отношении его надёжности, характера и способности строить отношения.

Сексуальное желание имеет собственную динамику. Оно не обязано всегда совпадать с дружбой, доверием и жизненными планами.

Привязанность формируется через повторяющийся опыт доступности, поддержки и совместной жизни. Она может сохраняться после снижения первоначальной страсти, но не возникает автоматически только потому, что люди давно вместе.

Культурный сценарий помогает объяснять и организовывать переживания. Но он же способен превращать обычное несовпадение разных процессов в доказательство личной неправильности.

Человек начинает думать:

«Если я люблю, я не должен замечать других».

«Если страсть ослабла, отношения закончились».

«Если мне больно после расставания, значит, это был единственный подходящий человек».

«Если я снова полюбил, прежнее чувство было ложным».

Такие мысли выглядят логично только внутри определённого романтического сценария. Реальная психика устроена сложнее.

Любовь переживается как единое чувство, потому что внимание, желание, привязанность и культурная история часто направлены на одного человека. Но это единство не гарантировано. Оно может возникать, ослабевать, распадаться и собираться заново.

Понимание механизмов любви не отвечает автоматически на вопрос, какие отношения нужно продолжать, а какие — завершать. Биология не заменяет оценки взаимности, безопасности и уважения. Сильное чувство не оправдывает насилие, контроль или нарушение границ. Боль утраты не доказывает ценности союза, а спокойствие — его пустоты.

Любовь не является священным и безошибочным внутренним компасом. Она не только случается с нами — она ещё и развивается внутри конкретных отношений, привычек и культурных ожиданий.

И если любовь начинается с того, что один человек получает особое преимущество в нашем внимании, возникает следующий вопрос: какие внешние признаки помогают захватить это внимание? Об этом — в следующей главе, посвящённой красоте.

Примечания

[1] Арон А., Фишер Х., Машек Д. Дж., Стронг Г., Ли Х., Браун Л. Л. «Системы вознаграждения, мотивации и эмоций, связанные с интенсивной романтической любовью на ранней стадии». Журнал нейрофизиологии, 2005, том 94, №1, с. 327—337.

[2] Янг Л. Дж., Ван Ц. «Нейробиология парной связи». Нейронаука природы, 2004, том 7, №10, с. 1048—1054.

[3] Ведекинд К., Зебек Т., Беттенс Ф., Пепке А. Дж. «Предпочтения партнёров у человека, связанные с главным комплексом гистосовместимости». Труды Лондонского королевского общества. Серия В, 1995, том 260, №1359, с. 245—249.

[4] Пфаус Дж. Г., Киппин Т. Э., Сентено С. «Обусловливание и сексуальное поведение: обзор». Гормоны и поведение, 2001, том 40, №2, с. 291—321.

[5] Фрейли Р. К., Шейвер Ф. Р. «Романтическая привязанность взрослых: развитие теории, новые споры и нерешённые вопросы». Обзор общей психологии, 2000, том 4, №2, с. 132—154.

[6] Кунц С. «История брака: как любовь завоевала брак». Нью-Йорк: Викинг, 2005; Иллюз Э. «Почему любовь причиняет боль: социологическое объяснение». Кембридж: Полити Пресс, 2012.

[7] Финкель Э. Дж., Иствик П. У., Карни Б. Р., Рейс Х. Т., Спречер С. «Онлайн-знакомства: критический анализ с точки зрения психологической науки». Психологическая наука в интересах общества, 2012, том 13, №1, с. 3—66.

Глава 2. Красота

Фронтальная камера телефона редко показывает лицо нейтрально. Даже без выбранного фильтра программа может выровнять освещение, усилить контраст, смягчить тени и сделать кожу более гладкой. Пользователь видит не просто своё отражение, а изображение, уже прошедшее обработку.

За несколько секунд можно изменить форму подбородка, увеличить глаза, сузить нос, убрать морщины и выровнять цвет кожи. Эти изменения кажутся небольшими, но повторяются изо дня в день. Постепенно обработанное лицо становится привычным, а обычное начинает выглядеть усталым, неровным или недостаточно выразительным.

Этот пример показывает главную особенность красоты: она находится не только в теле. Она возникает во взаимодействии особенностей восприятия, доступных изображений и социальных ожиданий. Здесь полезно различить три понятия.

Привлекательность — способность внешнего признака быстро захватывать внимание и вызывать положительную реакцию.

Эстетическое предпочтение — индивидуальная склонность считать определённые лица, тела или способы оформления внешности более приятными.

Стандарт красоты — общественно узнаваемый образец, с которым сравнивают людей и который начинает влиять на их статус, самооценку и возможности.

Человеку может нравиться внешность, не соответствующая модному образцу. Общество может считать привлекательным признак, поддержание которого требует болезненных или дорогостоящих процедур. А то, что быстро привлекает внимание, ничего не сообщает о характере и способностях человека.

Почему привлекательное получает преимущество

Когда участникам экспериментов показывают лица, которые они оценивают как привлекательные, их восприятие может сопровождаться активностью систем мозга, участвующих в мотивации и обработке вознаграждения [1]. Такой результат не означает, что в мозге существует отдельный центр красоты. Те же системы реагируют на множество значимых и желательных объектов. Исследования лишь показывают, что привлекательное лицо получает преимущество при обработке информации и способно дольше удерживать внимание.

Такая чувствительность появляется рано. В исследованиях новорождённые и младенцы дольше смотрели на лица, которые взрослые наблюдатели оценивали как более привлекательные [2]. Но из этого не следует, что дети рождаются с готовым знанием современных стандартов. Предпочтение может быть связано с тем, что некоторые изображения легче воспринимать: они ближе к усреднённому образцу лица, обладают более понятной структурой или лучше соответствуют общим особенностям зрительной системы.

В исследованиях привлекательности часто обсуждают усреднённость, симметрию и выраженность признаков, связанных с половым диморфизмом лица. Усреднённые лица нередко оцениваются как привлекательные, поскольку они близки к внутреннему прототипу и легче распознаются. Симметрия тоже может влиять на оценку, однако её значение не следует преувеличивать. Реальные человеческие лица всегда немного асимметричны, а связь симметрии со здоровьем и качеством развития сложнее, чем предполагает популярная формула «симметричное значит здоровое».

Тем более нельзя считать внешность надёжным показателем здоровья или качеств личности. По лицу люди действительно пытаются быстро оценить возраст, эмоциональное состояние, здоровье, статус и намерения другого. Но такие оценки остаются вероятностными и часто

ошибочными. Усталость можно принять за неприветливость, спокойное выражение — за высокомерие, а знакомые черты — за надёжность.

Поэтому привлекательность лучше понимать как быструю эвристику — упрощённый способ оценки при нехватке информации. Она помогает решить, на что обратить внимание, но не даёт точного знания о человеке.

Дорогостоящие сигналы

В эволюционной биологии существует идея дорогостоящего сигнала. Некоторые признаки трудно развить и поддерживать, поэтому они могут сообщать о состоянии организма. Классические примеры — хвост павлина или рога оленя. Они требуют ресурсов, мешают движению и делают животное заметнее для хищника. Способность особи развить и сохранять такие признаки может влиять на выбор партнёра.

Переносить эту модель на человека напрямую нельзя. Оформление человеческого тела определяется не только половым отбором, но и модой, профессией, религией, возрастом, социальным классом и принадлежностью к группе. И всё же сходство есть: поддержание некоторых внешних признаков требует времени, денег и постоянного труда.

Сложная причёска, ухоженная кожа, определённая фигура, дорогая одежда или косметологические процедуры могут сообщать не столько о биологическом здоровье, сколько о доступе к ресурсам. Для поддержания внешности нужны свободное время, знания, деньги, подходящие условия труда и возможность регулярно заниматься собой. Поэтому красивым нередко называют не просто тело, а тело, на котором видна определённая организация жизни. Один и тот же внешний признак может одновременно указывать на возраст, достаток, дисциплину и знакомство с правилами среды.

Такая система создаёт различия. Человек, способный оплачивать стоматологическое лечение, косметологические процедуры, занятия спортом, качественную одежду и отдых, получает преимущество, которое затем легко принять за природное. Социальные ресурсы становятся видимыми на теле, а результат начинают объяснять исключительно личным вкусом, здоровьем или силой воли.

Почему вкус меняется

Если бы красота определялась одной врождённой формулой, вкусы людей были бы гораздо устойчивее. На практике они меняются под влиянием опыта.

Один из простейших механизмов — эффект простой экспозиции. Если человек регулярно встречает один и тот же нейтральный стимул, тот может начать нравиться ему больше [3]. Знакомое легче обрабатывается и реже вызывает неопределённость.

Этот эффект не означает, что любое многократное предъявление обязательно породит симпатию. Если объект с самого начала вызывает сильное отвращение или связан с неприятным опытом, повторение может не помочь. Но в отношении нейтральных и умеренно приятных стимулов знакомость часто усиливает расположение.

При восприятии лиц действует и зрительная адаптация. Если человеку некоторое время показывать лица с определёнными особенностями, его внутренний ориентир временно смещается. После этого лица, близкие к недавно увиденному типу, могут оцениваться иначе [4]. Восприятие не просто сверяет каждый новый объект с неизменным шаблоном. Сам шаблон частично перестраивается под влиянием зрительной среды.

Влияние культуры видно и при смене окружения. В одном исследовании предпочтения в отношении женской фигуры менялись по мере знакомства наблюдателей с другой культур-

ной средой. Прежний вкус полностью не исчезает. Внутренняя норма просто меняется из-за постоянного контакта с определённым диапазоном тел [5].

Это помогает понять, почему идеалы кажутся естественными. Человек видит похожие лица и тела в рекламе, кино, социальных сетях и профессиональной среде. Чем чаще определённый признак встречается в положительном контексте, тем привычнее он становится. А привычное легко принять за объективно красивое.

Знакомая особенность лица может вызывать тепло, потому что связана со значимым человеком. Черта, которая на рекламном изображении воспринимается как недостаток, в живом общении становится частью узнаваемой мимики и характера. То, что самому человеку кажется недостатком — например, нос с горбинкой, — для другого может стать особенно привлекательной чертой.

Поэтому культурный стандарт не программирует всех одинаково. Он скорее задаёт диапазон признаков, которые легче заметить, назвать привлекательными и публично одобрить.

Как предпочтение становится нормой

В древнегреческой скульптуре идеальное мужское тело связывалось не только с физической силой, но и с самообладанием, пропорциональностью и гражданской умеренностью. Одна из деталей особенно расходится с современными массовыми образами мужественности: в идеализированных изображениях мужские гениталии обычно были небольшими. Большие гениталии чаще изображались в комических или гротескных образах и ассоциировались с избыточностью и недостатком самоконтроля.

Этот пример показывает, что даже телесный признак, который сегодня может восприниматься как показатель привлекательности, в другой символической системе имел противоположное значение.

Более жёсткий пример — китайское бинтование ног. Девочкам с раннего возраста туго бинтовали стопы, постепенно деформируя пальцы и кости. Маленькая «лотосовая стопа» затрудняла ходьбу и могла причинять хроническую боль, но одновременно считалась признаком женственности, воспитанности и статуса.

Практика не сводилась к желанию мужчин видеть определённую форму стопы. Она была включена в брачные стратегии, семейные ожидания и социальную иерархию. Соответствие норме могло повышать брачные возможности девочки, а отказ от практики — ухудшать её положение. Родители поддерживали болезненную процедуру не только из-за давления традиции, но и потому, что пытались обеспечить дочери признание внутри существующего порядка.

В Мезоамерике похожую роль могла играть форма головы. У младенцев, пока кости черепа ещё были податливы, её изменяли при помощи дощечек, повязок и длительного сдавливания, добиваясь вытянутого силуэта. С современной точки зрения это выглядит как крайняя телесная манипуляция, но для многих обществ региона такая практика была не «уродованием», а знаком происхождения и принадлежности к более широкому символическому порядку.

Именно здесь эстетическое предпочтение становится социальной нормой. Человеку уже не просто предлагают считать определённый признак красивым. От него требуют приблизить тело к образцу, поскольку от этого зависят уважение, желательность и принадлежность к группе.

Современные стандарты обычно действуют менее явно, но используют похожий механизм. Они связывают внешность с моральными качествами. Стройность может восприниматься как доказательство дисциплины, ухоженность — как признак ответственности, а минимализм — как свидетельство вкуса и статуса. Норма превращает сложный результат в оценку личности.

Социальная фора привлекательности

Красота влияет не только на внимание и выбор партнёра. Она способна менять отношение к человеку ещё до того, как окружающие узнают о его качествах.

В социальной психологии этот эффект получил название «эффект ореола». В классическом исследовании привлекательным людям чаще приписывали социально желательные черты и более благоприятные жизненные перспективы [6].

Привлекательный человек не становится из-за внешности умнее или добрее. Меняются исходные ожидания наблюдателя. Такому человеку могут заранее уделить больше внимания, проявить больше терпения и доверия. Его ошибку легче объяснить обстоятельствами, а нейтральное поведение — истолковать благожелательно.

Такая фора особенно важна при коротком контакте, когда другой информации мало. На собеседовании, первом свидании, публичном выступлении или при знакомстве внешность успевает повлиять на впечатление раньше, чем становятся заметны знания, надёжность и характер.

Политика не является исключением. В исследовании Александра Тодорова и его коллег участники быстро оценивали по фотографиям, насколько компетентными выглядят кандидаты. Эти оценки коррелировали с результатами выборов [7]. Исследование показывает, что лицо становится источником быстрых выводов даже там, где решение должно основываться на программах и опыте.

Красота, таким образом, превращается в форму социального капитала. Она не гарантирует успеха и может сопровождаться нежелательным вниманием, объективацией или недоверием. Но в среднем соответствие узнаваемому стандарту способно облегчать первое взаимодействие и предоставлять кредит положительных ожиданий. Проблема начинается тогда, когда эту фору принимают за справедливую награду за реальные качества.

Цифровой стандарт

Фотография всегда зависела от ракурса, света и отбора. Цифровые фильтры добавили к этому автоматическое изменение самого изображения. Причём редактирование всё чаще происходит до того, как пользователь успевает увидеть исходный кадр.

Это меняет точку сравнения. Раньше человек сопоставлял своё отражение с профессионально обработанными фотографиями актёров и моделей. Теперь улучшенная версия собственного лица постоянно находится рядом: в профиле, архиве фотографий и приложениях для видеосвязи.

Фильтр способен создать стандарт, которому живое лицо не может соответствовать постоянно. Кожа выглядит по-разному в зависимости от освещения, сна, возраста, температуры и состояния здоровья. Мимика нарушает идеальную симметрию. Камера искажает пропорции в зависимости от объектива и расстояния. Отредактированное изображение лишено большей части этой изменчивости.

В популярных и медицинских публикациях выражение «Snapchat-дисморфия» иногда используют для описания стремления приблизить внешность к отфильтрованному селфи [8]. Это не самостоятельный клинический диагноз. Термин описывает культурную ситуацию, в которой цифровое изображение становится образцом для изменения физического тела.

Пока недостаточно данных, чтобы утверждать, что фильтры сами по себе вызывают психическое расстройство. Однако исследования устойчиво обнаруживают связь между использованием социальных сетей, сравнением себя с другими по внешности и недовольством телом [9]. Особенно важным, по-видимому, является не общее время, проведённое в сети, а то, чем

именно человек там занимается: сравнивает себя с другими, редактирует изображения, ищет оценки своей внешности или постоянно просматривает узкий набор идеализированных тел.

Большинство таких данных имеют корреляционный характер. Они не позволяют установить простую причинную цепочку. Социальные сети могут усиливать недовольство внешностью, но и человек, уже испытывающий тревогу по поводу своего тела, может чаще искать соответствующие изображения и сравнивать себя с другими. Вероятно, эти процессы способны поддерживать друг друга.

Рекомендательные системы усиливают эффект повторения. Если пользователь регулярно задерживается на изображениях людей с определённым типом внешности, платформа получает основание показывать ему больше похожих материалов. Алгоритм полностью не создаёт вкус. Он сначала распознаёт существующее предпочтение, а затем увеличивает частоту соответствующих изображений в ленте.

Так формируется узкий коридор видимого. Пользователь встречает не всё разнообразие человеческих тел, а повторяющиеся варианты того, на что он уже реагировал. Частоту изображений легко принять за распространённость соответствующей внешности в реальном мире, а отобранную ленту — за естественную норму.

Когда взгляд на себя становится внешним

Теория объективации описывает ситуацию, в которой человек постоянно оценивает собственное тело с позиции внешнего наблюдателя [10]. Вместо вопроса «Что я чувствую и что могу делать?» на первый план выходит другой: «Как я сейчас выгляжу?»

Такое самонаблюдение требует внимания. Часть психических ресурсов уходит на контроль позы, выражения лица, одежды и того, как тело может быть оценено окружающими. Исследования связывают хроническое самонаблюдение со стыдом за тело, тревогой и некоторыми рисками для психического здоровья.

Теория первоначально разрабатывалась прежде всего для объяснения опыта женщин в условиях сексуальной объективации. Однако постоянная оценка внешности может затрагивать людей любого пола.

Особый клинический случай — телесное дисморфическое расстройство. При нём человек чрезмерно сосредоточен на предполагаемом недостатке внешности, который окружающим может быть почти незаметен. Он многократно проверяет себя в зеркале или, наоборот, избегает отражений, пытается скрыть «дефект», сравнивает себя с другими и испытывает значительный дистресс.

Такое расстройство нельзя свести к обычной неуверенности в себе. Оно способно серьёзно нарушать социальную жизнь и связано с повышенным риском депрессии и суицидального поведения. Среди людей, обращающихся за косметологическими процедурами и пластическими операциями, признаки дисморфического расстройства встречаются чаще, чем в общей популяции [11].

Если основная проблема связана с восприятием и навязчивой фиксацией на внешности, изменение отдельной черты не обязательно приносит устойчивое облегчение. Недовольство может сохраниться или переместиться на другую часть тела. Поэтому выраженная навязчивость, многочасовые проверки, избегание людей и постоянный стыд требуют не очередной процедуры, а профессиональной оценки психического состояния.

Цена изменения внешности

Стремление изменить внешность само по себе не является патологией. Люди использовали одежду, причёски, украшения и косметику во всех известных исторических обще-

ствах. Медицинское вмешательство может помочь устранить последствия травмы или болезни, уменьшить выраженное недовольство конкретной особенностью и улучшить качество жизни.

Но косметологические процедуры и пластическая хирургия остаются медицинскими вмешательствами, а не нейтральным редактированием изображения. Они имеют противопоказания и сопряжены с рисками. Например, введение филлеров в ткани лица в редких случаях может привести к закупорке сосуда и потере зрения. Использование соляриев связано с повышенным риском меланомы, особенно если человек начал посещать их в молодом возрасте.

Эти примеры не означают, что любое изменение внешности опасно или неразумно. Они показывают разницу между фильтром и телом. Цифровое изображение можно изменить одним движением и сразу вернуть в исходное состояние. Физическое вмешательство затрагивает живую ткань, требует участия квалифицированного специалиста и может иметь необратимые последствия.

Поэтому решение полезно оценивать не только с точки зрения ожидаемого внешнего результата. Важно учитывать медицинский риск, устойчивость желания и его связь с психическим состоянием.

Предпочтение и норма

Красота не является ни полностью природной формулой, ни произвольной модой. Некоторые лица действительно легче привлекают внимание. Знакомость, усреднённость, симметрия и другие особенности способны влиять на оценку. Но эти склонности не образуют универсального списка, по которому можно вычислить привлекательность каждого человека.

Среда постоянно корректирует восприятие. Она показывает одни тела чаще других, связывает их с успехом и желательностью, обучает способам оформления внешности и превращает отдельное предпочтение в социальное ожидание.

Пока красота остаётся эстетической реакцией, речь идёт о вкусе. Проблема возникает, когда из вкуса делают вывод о ценности человека: привлекательному приписывают компетентность и доброту, а несоответствие стандарту начинают считать признаком лени, нездоровья или неудавшейся жизни.

В прошлой главе мы рассмотрели, как возникают чувства к человеку. В этой главе мы увидели, что внешность влияет не только на первоначальную привлекательность. Следующий шаг — оформление самой близости. Из множества возможных вариантов культура выделяет определённые союзы, закрепляет в них обязанности и называет их семьёй.

Примечания

[1] Агарон И., Эткофф Н., Ариели Д., Чабрис К., О'Коннор Э., Брайтер Х. «Красивые лица обладают различной ценностью вознаграждения». *Нейрон*, 2001, том 32, №3, с. 537—551.

[2] Слейтер А., фон дер Шуленбург К., Браун Э., Баденок М., Баттерворт Дж., Парсонс С., Сэмюэлс К. «Новорождённые предпочитают привлекательные лица». *Поведение и развитие младенцев*, 1998, том 21, №2, с. 345—354.

[3] Зайонц Р. Б. «Изменение отношения под влиянием простого предъявления». *Журнал психологии личности и социальной психологии*, 1968, том 9, №2, часть 2, с. 1—27.

[4] Роудс Дж., Джеффри Л., Уотсон Т., Клиффорд К., Накаяма К. «Настройка восприятия к окружающему миру: адаптация к лицам и последующие изменения оценки привлекательности». *Труды Национальной академии наук США*, 2003, том 100, №10, с. 5877—5882.

[5] Тови М. Дж., Свами В., Фёрнем А., Мангалпарсад Р. «Изменение представлений о привлекательности при знакомстве наблюдателей с другой культурой». *Эволюция и поведение человека*, 2006, том 27, №6, с. 443—456.

[6] Дион К., Бершайд Э., Уолстер Э. «Красивое значит хорошее». Журнал психологии личности и социальной психологии, 1972, том 24, №3, с. 285—290.

[7] Тодоров А., Мандисодза А. Н., Горен А., Холл К. К. «Выводы о компетентности по лицам предсказывают результаты выборов». Наука, 2005, том 308, №5728, с. 1623—1626.

[8] Рампхул К., Мехиас С. Г. «Является ли „Snapchat-дисморфия“ реальной проблемой?». Куреус, 2018, том 10, №3, статья e2263.

[9] Сайфу А. Н., Вахеди З. «Метааналитический обзор связи между использованием социальных сетей и нарушениями образа тела». Компьютеры в поведении человека, 2019, том 101, с. 259—275.

[10] Фредриксон Б. Л., Робертс Т.-А. «Теория объективации: к пониманию жизненного опыта женщин и рисков для психического здоровья». Ежеквартальный журнал психологии женщин, 1997, том 21, №2, с. 173—206.

[11] Вил Д., Бьюли А. «Телесное дисморфическое расстройство». Британский медицинский журнал, 2015, том 350, статья h2278.

Глава 3. Семья

Представьте зал бракосочетаний: торжественная музыка, отутюженные костюмы, вспышки камер, цветы, тосты, чужое и собственное волнение. Всё устроено так, чтобы этот момент казался не просто важным, а естественным — почти биологически неизбежным финалом истории о любви. Будто сама природа терпеливо вела двух людей именно сюда: к столу регистратора, кольцам, общей фамилии, праздничному ужину и будущему, которое заранее выглядит правильным.

Но стоит сделать шаг назад, убрать музыку, декорации и сценарий, как возникает вопрос, обычно остающийся за кадром. Почему именно эта форма союза объявлена обязательным условием «хорошей жизни»? Почему то, что переживается как глубоко личное и почти вечное, так точно совпадает с интересами государства, религии и экономики? И откуда взялась уверенность, что семья — это природный фундамент общества, а не одна из исторических конструкций, с помощью которых люди распределяют близость, наследство, ответственность, труд и право на заботу?

Обычное слово «семья» скрывает несколько разных типов отношений. Чтобы понять, как они соединяются, полезно различить как минимум четыре понятия.

Партнерство — относительно устойчивая сеть принадлежности, заботы и ответственности. Её участники признают, что связаны друг с другом не случайным знакомством, а длительными обязательствами.

Брак — общественно признанный союз партнёров. Его могут закреплять закон, религиозный обряд, обычай или сочетание этих механизмов.

Родство — система, определяющая, кого считают родственником, по какой линии передаются имя, имущество и статус, а также кто кому обязан помогать. Оно может основываться на происхождении, браке, усыновлении и других признанных связях.

Домохозяйство — группа людей, которые живут вместе и организуют общую повседневность: оплачивают жильё, покупают продукты, готовят, убирают и распределяют обязанности по уходу.

Разведённые родители могут оставаться семьёй для ребёнка, который проводит время в разных домохозяйствах. Влюблённые способны вести общее хозяйство без брака. Родственники могут не участвовать в жизни друг друга, а друзья — годами обеспечивать повседневную поддержку. Юридический брак не гарантирует близости, безопасности или справедливого распределения обязанностей.

Родство как распределение обязанностей

В повседневном языке родство часто представляют как биологический факт: родственники — это люди, связанные происхождением. Биологическая связь важна, но общество должно ещё определить её значение. Нужно решить, по какой линии наследуется имущество, к чьей группе относят ребёнка, кто отвечает за его воспитание, какие браки допустимы и к кому обращаться за помощью. Родство превращает происхождение в систему прав и обязанностей.

Забота о детях исторически не всегда ограничивалась участием двух родителей. В воспитании могли участвовать старшие дети, бабушки, дедушки, другие родственники и члены сообщества. Исследователи связывают такую распределённую заботу с особенностями человеческого детства, которое требует длительной и ресурсозатратной поддержки [1]. При этом участие родственников не следует считать автоматически полезным: его последствия зависят от положения конкретного человека, доступных ресурсов и устройства отношений внутри группы [2].

Классический пример — матрилинейная система родства жителей Тробрианских островов, описанная Брониславом Малиновским и позднее исследованная другими антропологами [3]. При матрилинейности принадлежность к роду и значительная часть имущественных прав передаются по линии матери. Это не означает, что женщины автоматически управляют обществом или что биологический отец не играет роли в семье. Отец может быть эмоционально близким человеком, участвовать в уходе за ребёнком и поддерживать домохозяйство. Но принадлежность ребёнка к роду, наследование и некоторые формы власти определяются материнской линией. Поэтому особое положение занимает брат матери. Он представляет род, к которому принадлежит ребёнок, и может участвовать в передаче имущества, знаний и статуса.

Знакомые нам функции отца здесь распределены между несколькими людьми. Один взрослый обеспечивает повседневную заботу и эмоциональную связь, другой представляет линию происхождения и формальные обязанности рода. Это показывает, что близость, биологическое происхождение, наследование и власть не обязательно должны быть сосредоточены в отношениях с одним человеком.

Другой пример дают общества Южной Америки, в которых этнографы документировали представления о множественном, или делимом, отцовстве. В этих системах развитие плода может связываться с вкладом семени нескольких мужчин, имевших отношения с женщиной в период, относимый к зачатию. Некоторые из них признаются социальными отцами и в разной степени участвуют в поддержке ребёнка [4]. Такая система создает для ребёнка дополнительные источники питания, защиты и обучения, а также распределяет обязанности между несколькими взрослыми.

Практики заметно различаются между обществами, поэтому нельзя утверждать, что подобная система всегда создаёт устойчивую сеть заботы или устраняет конфликты. Её значение в другом: даже связь между зачатием и отцовством интерпретируется не единственным способом. Биологическое событие получает социальное значение через правила, определяющие, кто считается родителем и какие обязательства из этого следуют.

Современные общества тоже не ограничиваются простой формулой происхождения. Родительский статус может возникать через усыновление, опеку и применение репродуктивных технологий. В разных правовых системах вопросы донорства, суррогатного материнства и признания партнёра родителем решаются по-разному. Технологии создают новые возможности, но именно право, традиции и повседневная практика определяют, кто наделяется родительскими правами и обязанностями.

Поэтому родство лучше понимать не как перечень только генетически близких людей, а как признанный порядок отношений. Он определяет, к какой социальной группе принадлежит ребёнок, кто обязан его содержать и кто вправе принимать касающиеся его решения.

Зачем брак понадобился институтам

Сегодня брак часто воспринимается как публичное подтверждение любви. Однако исторически он решал гораздо более широкий круг задач: соединял рода, закреплял происхождение детей, регулировал передачу имущества и устанавливал обязанности между домохозяйствами.

Чем больше имущества можно накопить и передать, тем важнее становится вопрос о наследниках. Земля, скот, ремесленная мастерская, титул или торговый капитал требуют правил преемственности. Обществу нужно определить, кто считается законным ребёнком, кому достанется собственность и кто отвечает за содержание зависимых членов семьи.

Религиозные и светские институты постепенно закрепляли допустимые формы брака, ограничения по степени родства, правила развода и положение детей. Конкретный набор прав

зависит от страны и эпохи, но принцип остаётся тем же: близость получает форму, которую способны распознать суд, налоговая система, больница и другие учреждения.

В этом состоит одно из преимуществ формального семейного статуса. Людям не нужно заново доказывать каждую связь. Закон заранее определяет часть обязанностей и предоставляет механизм разрешения конфликтов.

Одновременно формализация исключает тех, чьи отношения не помещаются в признанную категорию. Если человек, фактически осуществляющий уход, не имеет юридического статуса, его возможности могут быть ограничены. Если право признаёт только один тип союза, остальные формы близости получают меньше защиты независимо от длительности и качества отношений.

Семью, состоящую из одного или двух родителей и их зависимых детей, называют нуклеарной. Её нередко представляют либо как универсальную природную норму, либо как недавнее изобретение индустриального общества. Обе версии требуют уточнения.

Небольшие домохозяйства существовали задолго до появления фабрик. Исторические исследования показывают, что в некоторых регионах Северо-Западной Европы молодые супруги создавали отдельное хозяйство ещё в доиндустриальную эпоху. В других регионах более распространённым было проживание нескольких поколений вместе или включение новой пары в дом родителей [5].

Поэтому индустриализация не создала нуклеарную семью с нуля. Но наёмный труд, урбанизация, мобильность и рост значения индивидуального заработка изменили условия, в которых она существовала. Если доход получают за пределами семейного хозяйства, а место работы можно менять, молодая пара меньше зависит от земли и имущества расширенного рода. Городская квартира также чаще рассчитана на небольшое домохозяйство, чем на совместное проживание нескольких поколений.

В XX веке в ряде обществ нуклеарная семья стала ещё и культурным образцом: совместно живущие супруги, дети, отдельное жильё и устойчивое распределение ролей. Этот образ не всегда соответствовал реальности, но влиял на жилищную политику, налогообложение, рекламу и представления о нормальной взрослой жизни.

У нуклеарной модели есть реальные преимущества:

1) Она способна делать родительские обязанности более определёнными. Если круг основных взрослых, заботящихся о ребёнке, ясно обозначен, легче установить, кто отвечает за повседневные решения и его содержание.

2) Отдельное домохозяйство даёт больше автономии от расширенного рода. Супруги получают возможность самостоятельно выбирать образ жизни, распределять деньги и устанавливать правила воспитания.

3) Отдельное жильё обеспечивает приватность. Оно позволяет ограничить вмешательство родственников, уменьшить постоянный контроль и сохранить личное пространство.

4) При наличии правовой защиты такая семейная модель может упрощать наследование, установление родительских обязанностей и защиту партнёров.

Но те же особенности создают уязвимость. Если забота сосредоточена на одном или двух взрослых, болезнь, увольнение, расставание или хроническая перегрузка быстро нарушают работу всей системы. Автономия может превратиться в изоляцию, а приватность — способствовать сокрытию насилия и неравенства от внешнего наблюдения. Чёткое распределение ответственности тоже не гарантирует её равенства: один участник может формально отвечать за семью, тогда как другой выполняет большую часть повседневной работы по уходу.

Следовательно, устойчивость нуклеарной семьи определяется не только её составом, но и условиями, в которых она существует.

Что дают и чего требуют разные семейные формы

Расширенная семья объединяет более широкий круг родственников и может включать несколько поколений. Её преимущество состоит в распределении ресурсов. Несколько взрослых способны разделять расходы и распределять между собой уход за детьми и поддержку пожилых. Знания и имущество легче передавать между поколениями, а выпадение одного участника не обязательно разрушает всю систему.

Однако широкая сеть поддержки одновременно может быть и сетью контроля. Помощь способна сопровождаться требованием лояльности, вмешательством в выбор партнёра, давлением старших и ограничением автономии. Человек получает доступ к ресурсам рода, но вместе с ними — обязанность учитывать его интересы.

Иногда ответственность в большой группе не распределяется, а рассеивается. Каждый предполагает, что больным родственником займётся кто-то другой. Формально помощников много, но конкретная обязанность не закреплена ни за кем. Поэтому расширенная семья не обязательно обеспечивает больше заботы: результат зависит от того, насколько ясно определены роли и можно ли обсуждать их без угрозы исключения.

Нуклеарная семья решает противоположную задачу. Она ограничивает круг основных участников и тем самым делает обязанности более заметными. Но если поддержки извне мало, любая перегрузка концентрируется внутри домохозяйства. Особенно уязвима семья, в которой один человек контролирует основной доход, а другой материально от него зависит.

Исследования не дают однозначного ответа на вопрос о том, какая семейная форма лучше для детей. Семейная структура связана с доходом, конфликтами между взрослыми, числом переездов, количеством доступного времени и другими условиями, которые трудно полностью отделить друг от друга. В среднем отсутствие одного из родителей может сопровождаться дополнительными рисками, но сила и причины этих связей неодинаковы [6].

Поэтому число взрослых и юридическая форма союза сами по себе недостаточны для оценки семьи. Важнее предсказуемость ухода, безопасность, устойчивость отношений, доступность ресурсов и наличие людей, которые действительно принимают на себя ответственность.

Отдельную форму представляют выбранные семьи — устойчивые связи между людьми, которые не являются близкими родственниками, но принимают на себя часть семейных функций. Исследователи описывали такие отношения, в частности, в субкультурах хиппи, панков и т.д., участники которых не получали достаточной поддержки от родственников или сталкивались с их отвержением.

Выбранные семьи создаются повторяющейся практикой: люди помогают друг другу с жильём и деньгами, ухаживают друг за другом во время болезни, участвуют в воспитании детей и остаются рядом в кризисных ситуациях. Важна не декларация близости, а устойчивость обязательств.

Такие сети не следует идеализировать. Добровольность делает их гибкими, но иногда и менее предсказуемыми. Обязанности могут оставаться неясными, а закон — не признавать человека, фактически осуществляющего уход. Друг или партнёр способен годами выполнять семейную роль и всё же не иметь права на наследование, получение медицинской информации, принятие решений о лечении или распоряжение после смерти близкого. Конкретные ограничения различаются между правовыми системами, но общий разрыв между фактической заботой и формальным статусом сохраняется.

Таким образом, каждая семейная модель сочетает преимущества с ограничениями.

Семья как повседневная практика

Семья существует не только в свидетельстве о браке или генеалогической таблице, но и в повторяющихся действиях: кто приходит в больницу, забирает ребёнка, замечает, что закан-

чиваются лекарства, оплачивает расходы и меняет собственные планы, когда другому нужна помощь.

Такой взгляд позволяет увидеть разрыв между названием и содержанием. Родственник может иметь формальный статус, но не участвовать в заботе. Человек без юридически признанной связи способен выполнять семейные обязанности годами.

В современном обществе многие семейные роли стали менее жёсткими. Супруги чаще обсуждают место жительства, распределение денег, родительство и границы отношений. Такая семья становится основанной на переговорах: обязанности не полностью задаются происхождением и полом, а требуют договорённости.

Это расширяет выбор, но увеличивает число решений. Нужно определить, кто сокращает рабочее время после рождения ребёнка, как распределяются расходы, кто помогает пожилым родственникам и какие обязательства сохраняются после развода. Традиционное правило могло быть неравным, но заранее сообщало, кто должен делать. Семья, основанная на договоренностях, получает возможность изменить правила, однако вместе с этим возникает риск постоянных конфликтов.

Кроме того, договоренности редко достигаются людьми с полностью равными возможностями. Тот, кто имеет более высокий доход, собственное жильё или больше юридических знаний, может легче отказаться от неудобного соглашения. Человек, экономически зависящий от партнёра, может формально согласиться с распределением обязанностей, которое фактически не способен оспорить.

Неоплачиваемая забота как вид труда будет рассмотрена в главе о работе. Здесь достаточно отметить её семейную функцию: любой союз должен решить, кто выполняет действия, без которых остальные не могут учиться, зарабатывать и восстанавливаться. Если эти обязанности не названы, они не исчезают, а становятся менее заметными.

Норма и реальная забота

Общественный образ семьи легко превращается в единственную допустимую биографию. Брак, совместное жильё и дети начинают восприниматься не как один из способов организовать жизнь, а как обязательные признаки взрослости. Тогда человек, не вступивший в брак, переживший развод или не имеющий детей, оценивается не по качеству отношений и реальным обязательствам, а по степени отклонения от стандартной последовательности.

Исследования отношения к одиноким людям показывают, что отсутствие партнёра нередко связывают с эмоциональной незрелостью, эгоизмом или неполнотой жизни, хотя такие выводы не следуют из самого семейного статуса [7]. Одновременно наличие брака может давать человеку автоматический кредит нормальности, даже если отношения нестабильны или опасны.

Нормативное давление часто выражается в заботливой форме: «Тебе пора», «Потом будет поздно», «Ребёнку обязательно нужна полная семья». При этом подобный язык редко исходит из откровенной злобы. Родственники могут искренне тревожиться, сотрудник учреждения — пользоваться стандартной формой, а фильм — показывать очередную свадьбу, потому что «людям такое нравится». Но суммарный эффект всё равно предсказуем. Человек, чья жизнь не укладывается в шаблон, начинает чувствовать себя не просто другим, а неправильным или ущербным — будто его биография представляет собой бланк, заполненный не по инструкции. Психологически это часто слышно в самом слове «надо»: «Мне надо родить», «Мне надо жениться», «Мне надо успеть».

В этот момент миф о семье перестаёт быть возвышённым разговором о любви и детях. Он спускается на уровень повседневной дисциплины: определяет, кто считается взрослым, чья

жизнь выглядит завершённой, кто имеет право на признание, а чья биография всё ещё кажется «несложившейся».

Отказ от единственного семейного образца не означает, что любую форму отношений следует считать одинаково хорошей. Оценка всё равно необходима, но её критерии должны относиться к реальному содержанию отношений.

Семья организует ответственность внутри сравнительно ограниченного круга людей, связанных близостью, происхождением или признанными обязательствами. Но крупному обществу приходится координировать действия миллионов незнакомцев. Для этого требуются уже не только родственные связи, но и общие правила, системы учёта, общественные услуги и механизмы принуждения. Следующая глава посвящена государству, нации и родине.

Примечания

[1] Хрди С. Б. «Матери и другие: эволюционные истоки взаимопонимания». Кембридж: Издательство Гарвардского университета, 2009.

[2] Сир Р., Мейс Р. «Кто сохраняет детям жизнь? Обзор влияния родства на выживание детей». Эволюция и поведение человека, 2008, том 29, №1, с. 1—18.

[3] Малиновский Б. «Сексуальная жизнь дикарей Северо-Западной Меланезии». Лондон: Рутледж, 1929; Вайнер А. Б. «Женщины ценности, мужчины славы: новые перспективы обмена на Тробрианских островах». Остин: Издательство Техасского университета, 1976.

[4] Бекерман С., Валентайн П., ред. «Культуры множественных отцов: делимое отцовство в низменной Южной Америке». Гейнсвилл: Издательство Университета Флориды, 2002.

[5] Ласлетт П., Уолл Р., ред. «Домохозяйство и семья в прошлом». Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 1972; Хайнал Дж. «Две системы формирования домохозяйств в доиндустриальном обществе». Обзор населения и развития, 1982, том 8, №3, с. 449—494.

[6] Макланахан С., Тах Л., Шнайдер Д. «Причинные последствия отсутствия отца». Ежегодный обзор социологии, 2013, том 39, с. 399—427; Голомбок С. «Современные семьи: родители и дети в новых семейных формах». Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 2015.

[7] ДеПауло Б. М., Моррис У. Л. «Непризнанные стереотипы и дискриминация одиноких людей». Современные направления психологической науки, 2006, том 15, №5, с. 251—254.

Глава 4. Государство, нация и родина

Государство чаще всего входит в жизнь человека без торжественных церемоний. Оно появляется в свидетельстве о рождении, школьной программе, паспорте, налоговом уведомлении, номере в реестре, правилах пересечения границы и расписании муниципального транспорта. Большинство контактов с ним выглядят буднично.

При этом государство способно требовать от человека действий, выходящих далеко за пределы обычной административной рутины: уплаты налогов, соблюдения ограничений, прохождения военной службы, признания решений суда и подчинения правилам, с которыми он лично не согласен. Чтобы такая система работала, одного принуждения недостаточно. Люди должны хотя бы в некоторой степени считать общий порядок законным и воспринимать незнакомых сограждан как участников одного политического мира.

Именно здесь государство встречается с нацией и родиной. В повседневной речи эти понятия часто используют как взаимозаменяемые, хотя они обозначают разные отношения.

Государство — совокупность институтов, управляющих определённой территорией и её населением. Оно устанавливает и применяет правила, собирает налоги, ведёт учёт, предоставляет общественные услуги и претендует на исключительное право легитимно применять принуждение.

Нация — представление о большой политической общности, участники которой считают себя связанными общими историей, культурой или будущим, хотя большинство из них никогда не встретятся лично.

Родина — личная и коллективная привязанность к месту, языку, людям, привычному образу жизни и связанным с ними воспоминаниям. Она может быть связана с государством, но не исчерпывается им.

Эти явления способны поддерживать друг друга, но не обязаны совпадать. Одно государство может включать несколько национальных общностей. Нация может не иметь собственного государства. Человек способен сохранять привязанность к родине после эмиграции, изменения границ или распада политической системы. Наконец, поддержка конкретной власти не равна привязанности к стране.

Различение этих уровней позволяет точнее понять, как возникает коллективное «мы» и почему оно способно одновременно поддерживать сотрудничество и ограничивать несогласие.

Как государство делает общество управляемым

Макс Вебер определял государство через его притязание на монополию легитимного физического насилия в пределах определённой территории [1]. В этом определении важно не только насилие, но и легитимность притязания на его применение. Использовать силу способны разные группы, однако государство претендует на особое право задерживать людей, штрафовать их, лишать свободы и применять вооружённое принуждение.

Но государство нельзя свести к полиции и армии. Оно также поддерживает школы, дороги, пожарные службы, больницы, системы санитарного контроля, социальные выплаты и реестры собственности. Один и тот же аппарат ограничивает действия человека и создаёт условия, без которых сложная совместная жизнь была бы невозможна.

Для управления крупным обществом государству необходимо сделать население доступным для учёта. Оно должно знать, сколько людей живёт на его территории, где они находятся, чем владеют, какие налоги должны платить и на какие услуги имеют право. Фамилия, адрес, кадастровый номер, единица измерения, административная граница и запись в реестре упрощают сложную социальную реальность.

Такое упрощение необходимо для координации. Без него трудно собирать налоги, закреплять права собственности, планировать дороги или распределять помощь. Но вместе с ним возникает и власть классификации. Если человек, участок земли или вид деятельности не помещаются в официальную категорию, государство может их не заметить либо признать незаконными.

Поэтому государственный учёт выполняет двойственную функцию. Он делает возможными управление и предоставление общественных услуг, но одновременно расширяет способность власти вмешиваться в жизнь населения. Перепись позволяет понять, где нужны школы и больницы, однако те же данные могут использоваться для контроля, мобилизации или исключения определённых групп.

В этом смысле государство не просто управляет уже готовым обществом. Оно создаёт административную картину населения, а затем принимает решения на её основании.

Как незнакомые люди становятся нацией

Учёт объясняет, как государство видит население, но не объясняет, почему само население должно воспринимать общий порядок как свой. Для этого необходима форма принадлежности, способная соединять людей за пределами личного знакомства.

Человек не знает лично миллионы сограждан, но способен говорить о них «мы». Он следит за общими новостями, участвует в государственных праздниках, пользуется распространённым или официальным языком и видит территорию страны на знакомой карте. Событие, произошедшее за тысячи километров, может восприниматься как относящееся к общему политическому миру.

Современная нация формируется не только через идеи, но и через повторяющуюся работу институтов. Школа преподаёт язык, историю и географию. Перепись распределяет население по категориям. Карта превращает подвижные границы в чёткий образ территории. Армия и государственная служба соединяют людей из разных регионов. Газеты, а позднее радио и телевидение позволяют множеству людей одновременно получать сходные описания происходящего.

Государство не способно произвольно назначить людям язык, память и чувство принадлежности. Национальные движения могут возникать снизу, противостоять существующему государству и опираться на более старые религиозные, региональные или языковые связи.

Но институты влияют на то, какая версия общего прошлого становится общеизвестной, какие события входят в календарь и какие различия приобретают политическое значение. Национальная история неизбежно отбирает материал: одни эпизоды становятся символическими, другие остаются частью местной памяти или исчезают из общего рассказа.

Поэтому нация — не просто совокупность людей с одинаковыми признаками. Это способ представить их участниками общей истории: у нас было общее прошлое, есть общие обязанности и предполагается общее будущее.

Родина как место и память

Национальная идентичность требует общего рассказа, а привязанность к родине часто возникает раньше знакомства с ним. Она складывается из языка семьи, городского пространства, знакомых маршрутов, еды, климата, интонаций и воспоминаний. Эти элементы не обязательно совпадают с государственной границей.

История Львова особенно наглядно показывает различие между местом и политической принадлежностью. Человек, родившийся там в начале XX века и проживший долгую жизнь, мог увидеть, как город неоднократно менял государственную принадлежность: входил в состав

Австро-Венгрии, межвоенной Польши, Советского Союза, находился под нацистской оккупацией, снова оказался в составе Советского Союза, а затем — Украины [2].

Менялись официальные названия, документы, школьные программы, государственные символы и административные правила. При этом сам город сохранял определённую материальную и биографическую непрерывность: многие улицы, здания, семейные истории и кладбища не исчезали вместе с очередным изменением границ. Конечно, войны, массовое насилие, депортации и радикальные изменения состава населения глубоко преобразили его социальную жизнь. Поэтому речь не идёт о полностью неизменном городе. Этот пример показывает другое: родина может сохраняться как место памяти даже тогда, когда государственная принадлежность меняется.

Эмоциональная сила родины связана и с языком родства. В русском языке слова «родина», «отечество», «земля предков» могут связывать политическое пространство с происхождением и близостью. Благодаря этому государство может описываться не как аппарат, а как расширенный дом, которому человек обязан верностью и благодарностью.

Такая связь не обязательно является результатом манипуляции. Люди действительно привязаны к языку, месту и тем, с кем делят повседневную жизнь. Но семейная метафора способна скрывать различие между страной и её институтами. Критику правительства тогда легко представить как неблагодарность по отношению к родине, хотя объектом критики являются конкретные решения должностных лиц.

Зачем обществу коллективное «мы»

Общая идентичность выполняет практическую функцию. Большое общество требует от людей участия в проектах, результаты которых они не смогли бы получить в одиночку. Налоги одного человека финансируют дорогу, которой он может никогда не воспользоваться, школу для чужих детей или лечение незнакомого пациента. Общественные правила требуют ограничивать частный интерес ради предсказуемого общего порядка.

Если государственные институты воспринимаются исключительно как чужая сила, такая кооперация держится главным образом на контроле и угрозе наказания. Если же люди считают их частью общего дела, появляется дополнительное основание соблюдать правила и принимать связанные с ними издержки. Национальная принадлежность может поддерживать солидарность между людьми, не связанными родством, дружбой или прямым обменом [3].

Особое значение приобретают ритуалы памяти. После массовых войн европейские общества создавали мемориалы, списки погибших, могилы Неизвестного солдата и церемонии молчания. Джордж Моссе показывал, как память о конкретных погибших постепенно включалась в национальный рассказ о жертве и долге [4].

Такие практики помогают обществу оплакивать утраты и сохранять память о погибших. Но они могут выполнять и политическую функцию: придавать прошлым смертям оправдывающий смысл и представлять новые жертвы как продолжение уже начатой истории. Поэтому важно различать память о людях и использование их гибели для подтверждения обязательности нынешней политики.

Коллективная идентичность не становится опасной только потому, что предполагает обязательства. Любое устойчивое общество ограничивает частные действия и ожидает участия в общих расходах. Проблема возникает, когда принадлежность перестаёт допускать внутренние различия и несогласие.

Когда власть присваивает родину

Политической власти выгодно представлять государство, нацию и родину как единое целое. Если правительство объявляет себя единственным законным голосом страны, политическая критика начинает выглядеть не как спор о способах управления, а как нападение на коллективное «мы».

Подмена происходит постепенно. Сначала интересы действующей власти описываются как интересы государства. Затем интересы государства — как интересы нации. Наконец, несогласие с конкретным решением объявляется враждебностью к родине или её предательством.

Подобная логика особенно сильна там, где национальная идентичность строится вокруг представления о постоянной угрозе. Различие между «своими» и «чужими» становится главным способом объяснения политики. Внутренних оппонентов начинают оценивать не по содержанию аргументов, а по предполагаемой степени лояльности.

XX век особенно ясно показал, как действует такая подмена. После массовых войн память о павших приобрела особое политическое и символическое значение. Мемориалы, вечные огни, минуты молчания, фигура Неизвестного солдата и списки имён на камне образовали форму гражданской религии. Она помогала обществам пережить утрату и придать ей смысл.

Но память способна не только утешать, но и подчинять. Людям объясняют, что общество находится на краю гибели; затем предлагают простую формулу спасения; создают образ внешнего или внутреннего врага; после этого пространство критики сужается, а насилие начинает выглядеть как вынужденная защита священного целого.

Камбоджа при «красных кхмерах» стала одним из наиболее страшных примеров такой логики. В 1975 году движение во главе с Пол Потом захватило власть и приступило к радикальному переустройству общества. Городское население было насильно переселено в сельскую местность, частная жизнь подчинена государственному контролю, а людей, отнесённых к политически, социально или этнически подозрительным группам, подвергали преследованиям и уничтожению. Принудительный труд, голод, болезни и массовые убийства привели к гибели, по разным оценкам, от полутора до двух миллионов человек — значительной части населения страны [5].

В этом случае миф о спасении и очищении общества работал как язык, объявлявший насилие необходимым. Конкретные люди превращались в препятствия на пути к предполагаемому коллективному будущему.

Именно поэтому важно не путать родину с государством и тем более с действующей властью. На этой подмене держатся многие политические культы. Власть говорит: «Мы и есть родина». Тогда несогласие с ней можно представить не как политический спор, а как нравственную измену.

В главе о справедливости мы подробнее рассмотрим, почему обиденное имеет цену, а «священное» часто выводят за пределы обычного обмена и обсуждения, а также как этим различием могут манипулировать.

Многослойная принадлежность

Современная жизнь не устранила национальную идентичность, но сделала принадлежность более многослойной. Человек может одновременно считать себя жителем города, гражданином государства, участником религиозной, профессиональной или транснациональной общности [6].

Эти уровни не обязательно конкурируют. Они становятся значимыми в разных обстоятельствах. Профессиональная принадлежность выходит на первый план в работе, национальная — во время выборов, войны или международного спортивного соревнования. Эмигрант может участвовать в жизни новой страны и одновременно сохранять тесную связь с языком и культурой места, где вырос.

Цифровые коммуникации позволяют поддерживать такие связи на расстоянии. Представители диаспоры могут ежедневно следить за событиями на родине, разговаривать с родственниками и участвовать в общественных дискуссиях. Но сетевое общение не отменяет роли государства: гражданство, границы, налоги, социальные гарантии и право на проживание продолжают определять реальные возможности человека.

Кризисы обычно усиливают значение тех форм принадлежности, от которых зависит безопасность. Во время войны гражданство и государственная граница могут стать важнее профессиональной или культурной общности. При миграции особенно заметным оказывается правовой статус. Поэтому многослойность идентичности не означает, что все её уровни одинаково влиятельны в любых обстоятельствах.

Есть простой способ проверить, во что превращается любовь к родине. Если она требует меньше лжи и страха и побуждает больше заботиться о живых, перед нами ещё пространство общей жизни. Если же она требует больше молчания, больше врагов и большей готовности жертвовать людьми ради символа, речь идёт уже не столько о любви, сколько о политическом культе.

Однако большому обществу недостаточно общего чувства принадлежности. Оно должно ещё измерять обязательства, организовывать обмен и позволять незнакомцам рассчитывать друг с другом. Для этого нужен другой универсальный посредник — деньги.

Примечания

[1] Вебер М. «Политика как призвание» // Избранные произведения. Москва: Прогресс, 1990.

[2] Чаплицкая Дж., ред. «Львов: город на пересечении культур». Кембридж: Украинский научный институт Гарвардского университета, 2005; Мик К. «Лемберг, Львув, Львов, 1914—1947: насилие и этничность в спорном городе». Уэст-Лафейетт: Издательство Университета Пердью, 2016.

[3] Миллер Д. «О национальности». Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 1995; Биллиг М. «Банальный национализм». Лондон: Сейдж, 1995.

[4] Моссе Дж. Л. «Павшие солдаты: преобразование памяти о мировых войнах». Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 1990.

[5] Кьернан Б. «Режим Пол Пота: раса, власть и геноцид в Камбодже при красных кхмерах, 1975—1979». Нью-Хейвен: Издательство Йельского университета, 2008.

[6] Юваль-Дэвис Н. «Политика принадлежности: пересекающиеся различия». Лондон: Сейдж, 2011.

Глава 5. Деньги

Покупатель прикладывает телефон к терминалу. Раздаётся короткий сигнал, на экране появляется слово «Одобрено», и хлеб переходит от магазина к покупателю. Ни монета, ни купюра не сменили владельца. В банковских системах изменились записи — и этого оказалось достаточно.

Такая операция возможна потому, что магазин, банки покупателя и продавца, а также платёжная система признают общий порядок расчётов. Продавец принимает не сам телефон и не изображение цифр на экране. Он получает платёж, которым рассчитывает воспользоваться дальше: заплатить поставщику, сотруднику, арендодателю или государству.

Мифичность денег хорошо демонстрирует другой пример. На островах Яп в Микронезии в качестве валюты использовались известняковые диски раи. Некоторые из них были достаточно небольшими, чтобы их можно было перенести, другие достигали нескольких метров в диаметре. Известняк добывали на других островах, поэтому ценность диска зависела не только от размера, но и от затрат на его изготовление, опасности путешествия, качества обработки и истории появления.

Крупные камни могли годами оставаться на одном месте. При сделке менялось не их физическое положение, а общественно признанная принадлежность. Участники сообщества знали, кому принадлежит диск и в результате какого события право на него перешло.

Американский исследователь Уильям Генри Фернесс, посетивший Яп в начале XX века, записал рассказ о большом диске, затонувшем во время перевозки. Камень не доставили на остров, однако участники сообщества признали его существование и ценность на основании рассказа вернувшейся команды. Физически недоступный диск продолжал учитываться как имущество и мог участвовать в последующих передачах прав [1].

Этот пример показывает важное свойство денег и других признанных средств расчёта: для передачи стоимости не всегда нужно перемещать материальный носитель. Достаточно, чтобы участники признавали изменение прав и обязательств. В этом отношении затонувший камень напоминает современный банковский счёт сильнее, чем может показаться.

Деньги до монет

Популярный рассказ о происхождении денег обычно начинается с бартера. Один человек выращивал зерно, другой держал коз, но прямой обмен был неудобен: владельцу зерна могла быть не нужна коза, а владельцу козы — именно это зерно. Тогда люди якобы выбрали универсальный товар, который соглашались принимать все.

Бартер действительно существовал и существует до сих пор. Однако исторические и антропологические данные не подтверждают простой последовательности, согласно которой целые общества сначала жили в условиях чистого бартера, а затем изобрели деньги. Во многих ранних сообществах обмен строился на отсроченных обязательствах, взаимной помощи, распределении ресурсов внутри группы и долговых отношениях. Систематический бартер особенно часто возникал между незнакомыми группами или при нарушении работы уже существовавшей денежной системы [2].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.